

Противоречия мультикультурализма: культурологический аспект

В статье анализируются феномен мультикультурализма и тенденции в его развитии. Исследовательский интерес автора сосредоточен на определении базового комплекса идей, которые послужили основанием мультикультурализма как самостоятельного дискурса, на выявлении противоречий культурологического характера в интеллектуальном фундаменте данного направления гуманитарной мысли.

The article analyzes the phenomenon of multiculturalism and trends in its development. Research interest in the author focuses on the definition of basic complex ideas that formed the basis of multiculturalism as a separate discourse, on the identification of cultural contradictions in the intellectual foundation of the direction of humanitarian thought.

Введение. В XXI столетии мультикультурализм претерпел ряд существенных изменений: от институциональных до репутационных. По сравнению с реалиями десятилетней давности перемены в характере и тоне дискуссий о мультикультуралистской стратегии выглядят чрезвычайно резкими и показательными: «Мультикультурализм сегодня не аксиома, а скорее повод для дискуссий – и в научных кругах, и в пространстве публичной политики» [1, с. 127]. Эти дискуссии, как правило, носят отрицательный характер по отношению к мультикультурализму.

Общий негативный тренд проявился почти во всех сферах общественной жизни: от политической [1], [2], социальной (массовые протесты и манифестации представителей титульных наций) до академической среды (концепты «кризис мультикультурализма» [2], «конец мультикультурализма» [3] и т.д.). Объяснением этому служат «цветные» революции в мусульманских странах, военные конфликты и их последствия в Ираке, Ливии, гражданская война в Сирии, религиозное противостояние шиитов и суннитов в исламе, деятельность террористических организаций, гуманитарная катастрофа на границе с Турцией, «переселение народов» – массовый наплыв иммигрантов в Европу

и т.д. Очевидно, что кризисные явления проявляются в большей мере именно в эксплицированном континентально-европейском варианте мультикультурализма, что, конечно же, связано с локализацией перечисленных выше явлений именно в регионе, соседствующем с Европейским союзом. Однако общие негативные тенденции затронули, хоть и в меньшей мере, и весь остальной «западный мир»: «В начале 2000-х годов – не в последнюю очередь под влиянием теракта 11 сентября и последовавших за ним событий – практически во всех странах, еще недавно благоволивших риторике мультикультурализма, происходит откат от нее. Остается лишь одно государство, в котором термин «мультикультурализм» не исчез из речей чиновников и не подвергся шельмованию журналистов. Это Канада» [4, с. 107–108].

Цель статьи – определить тенденции в развитии мультикультурализма, его дальнейшие перспективы, выяснить, будут ли носить эти изменения кратковременный или долгосрочный характер, провести культурологический анализ интеллектуальных оснований мультикультурализма.

Основная часть. Прежде чем приступить к рассмотрению указанной проблемы, следует остановиться на некоторых моментах. Первый состоит в том, что

мультикультурализм представляет собой не окончательно теоретически и системно оформленный предмет научного анализа в современной гуманитарной мысли, что говорит о неизбежной спорности и дискуссионности любого утверждения на данную тему, какой бы аргументацией не пользовался исследователь в своих утверждениях. Суть следующего замечания вытекает из предыдущего: базовые понятия относительно заявленной к рассмотрению проблемы до сих пор концептуально не согласованы и иногда находятся в прямом противоречии друг с другом. Поэтому анализ следует начать с основных определений. Вслед за белорусским исследователем В. В. Позняковым в статье проводится разграничение таких понятий, как «мультикультурализм» и «мультикультурность». Под мультикультурностью понимается «... активное взаимодействие культур, что, в частности, выражается в присутствии элементов других культур в конкретной культурной целостности» [5, с. 419]. В «Белой книге» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» понятие мультикультурализма формулируется следующим образом: «Мультикультурализм (как и политика ассимиляции) понимается в качестве конкретного политического подхода, тогда как термины “культурное многообразие” и “многокультурность” обозначают эмпирический факт существования разных культур и их взаимодействия в рамках определенного пространства и социальной организации» [5, с. 419]. Таким образом, мультикультурализм представляет собой самостоятельный дискурс, в котором отражается теоретическая рефлексия по поводу ситуации мультикультурности и культурного многообразия, как правило, в политическом, международном и межкультурном контекстах.

Очевидно, что, будь мультикультурализм целостным гомогенным однородным явлением, внешние и внутренние факторы не смогли бы столь быстро отрицательно сказаться на концепции и привести к доктринальным спорам о самой сути данного феномена. Поэтому следует определить

базовый комплекс идей, оформившихся с течением времени в ключевые принципы и целевые установки мультикультуралистских стратегий.

Общепризнанный базовый комплекс, который стал когнитивным и методологическим основанием для появления нового автономного парадигмального образования, мультикультурализма, представляет собой следующие идеи:

- культурное разное- и многообразие (культурный плюрализм);
- наличие и функционирование поликультурных образований (как подэтнических, так и поликонфессиональных) и, следовательно, возможность существования в виде мультикультурных целостностей;
- вероятность и возможность конвергенции культур на диалогической основе («бесконфликтное сосуществование культур» [6, с. 14], «интеграция без ассимиляции» [6, с. 6];
- универсальная иерархия ценностей (аксиологический и этический универсализм).

Эти идеи, так или иначе, являются теоретической ориентацией для всего мультикультурализма, на их основе происходило формирование «канона», внедрялись в жизнь и реализовывались соответствующие практики. Было бы некорректно утверждать неверность мультикультуралистского дискурса в целом, но нельзя не отметить и некоторые спорные и полемические моменты в данной концепции и ее базовых идеях. Следует привести цитату классика культурологии Л. А. Уайта: «Если предпосылки изначально некорректны, все исследования, базирующиеся на них, и все выводы, из них следующие, оказываются серьезно скомпрометированными» [7, с. 566]. Эти противоречия послужили основой тех негативных тенденций, о которых говорилось выше, и, по сути, они же легитимировали сомнения в консолидации культур в многополярном мире XXI столетия на универсальных началах. Эти сомнения выразил белорусский исследователь А. И. Екадумов в следующей формуле: «Проблема универсального

ценностного образца как основания консолидации, приемлемого для различных культурных общностей» [8, с. 5]. Новые универсальные образцы пока не найдены, а прежние скомпрометированы.

Определим противоречия и культурологический контекст, в которых проявились негативные тенденции как по отношению к мультикультурализму со стороны исследователей и обывателей, так и в рамках самого мультикультурализма.

В первую очередь, это первоначальная и системообразующая для всей дискуссии дихотомия между универсализмом и партикуляризмом в истории человечества, между универсальными и локальными нарративами (с античных времен и по настоящее время – проблема самоидентификации и идентичности на основе противопоставлений «Я – Ты», «Свой – Чужой», цивилизация – варварство и т.д.) [6]. Затем эти направления мысли нашли свое отражение и развитие в гуманитарных науках, в частности в культурной антропологии через трюичную классификацию интерпретации культуры: «...история, эволюционизм и функционализм суть три различных четко отграниченных друг от друга способов интерпретации культуры, каждый из которых одинаково важен» [7, с. 560]. Дальнейшее противостояние данных идей кратко можно определить с некоторыми оговорками как противостояние культурного эволюционизма с культурным релятивизмом. В целом ключевым в этом противостоянии является отношение к принципу культурного детерминизма и его интерпретация разными сторонами дискуссии.

Хотя культурный детерминизм признается всеми исследователями: культуры в качестве реальной константы, но по мере все более широкого повсеместного употребления данного концепта теряется во многом его непосредственный смысл, который заключается в следующей формулировке культуролога, антрополога и этнографа Б. Малиновского: «Это означает, что есть такие факторы и силы, которые заставляют человека – и в индивидуальном, и в коллективном плане – вести себя специфическим

для каждой культуры образом, выходя при этом за рамки чисто биологических импульсов и непосредственных влияний среды и модифицируя их» [9, с. 376]. То есть каждая культура представляет собой уникальный и неповторимый механизм координации и регуляции индивидуального и коллективного поведения людей. Следовательно, если все культуры отличаются уникальным своеобразием, то на основании каких критериев можно говорить о возможности не только контакта, но и полноценного диалога? Видимо, именно в этой точке и заключается специфика исследуемой проблемы, суть которой – в несоответствии между принципом культурного детерминизма и идеей о наличии универсальной иерархии ценностей (одна из идей, входящих в базовый комплекс). Как правило, в такого рода случаях приводят тезисы о культурных универсалиях, на основании которых и становится возможным диалогическая коммуникация.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что принцип культурного детерминизма применим далеко не во всех сферах и случаях – пример с контактом культур как бы остается за скобками, становится исключением из правил. Но если учесть, что культурный детерминизм определяет не только поведение, но и мирооззрение, мышление (когнитивно-культурный детерминизм), то такого рода исключение, как минимум, представляется дискуссионным. Если же радикально подходить к проблеме, то нужно ставить вопрос следующим образом: либо все культуры равны, уникальны и не похожи друг на друга (культурный плюрализм и культурная множественность), либо все культуры приблизительно схожи, обладают общими свойствами, гомогенны по своей природе, а существующие отличия объясняются неравномерностью эволюционного развития частей. Мультикультурализм же попытался «замолчать» это несоответствие, тем самым внося в свои концептуальные построения элемент противоречивости и неопределенности, а в таком случае любая концепция будет испытывать сложности в

условиях кризисной неравновесности.

Еще одним важным для мультикультурализма противоречием является то, что креативно-интеллектуальный мультикультурализм [6] формировался как одна из критических школ по отношению к либерально-демократическим теориям, наряду с такими школами, как марксизм, коммунизм и феминизм [10], [11]. Исходя из такого положения вещей, становятся очевидными два генетических аспекта мультикультурализма: 1) социальная природа некоторых ключевых принципов (например, концепция равенства и рефлексия по поводу этической составляющей всякого социума, следование направлению в политической философии, основание которого заложил Джон Ролз своей книгой «Теория справедливости»); 2) теоретические построения мультикультурализма во многом совпадают с «повесткой дня» либерализма и либертарианства – «...вопросы соотношения индивидуальных и групповых прав, национализма, расизма, иммиграции и представительства групп» [11, с. 11]. Все это подводит к утверждению, что, в силу развития либерально-демократических теорий в русле европейской традиции мысли и европейской политической традиции, мультикультурализм с высокой долей вероятности может быть трансформировавшимся идеологическим вариантом европоцентризма, если не в целом, то хотя бы некоторыми своими проявлениями, ведь базисный комплекс идей, которые были перечислены в начале статьи, сформировался снова же в русле европейской мысли. Вся суть данного утверждения сводится к очевидному и актуальному вопросу: «Окажутся ли принципы и ценности Запада достаточно приемлемыми для иных культур?» [6, с. 36]. Примером некоторой модификации латентного европоцентризма может служить удивительная особенность методологии Б. Малиновского, который, будучи одним из «отцов» такого важного для культурологии направления, как диффузионизм, рассматривал контакт культур только как контакт культур европейского типа и остальных культур и долгое время

признавал только такой вариант взаимодействия агентов аккультурации.

Не менее важным аспектом для понимания противоречивости мультикультурализма является постмодернистская трактовка таких ключевых для мультикультурализма категорий, как «различие» и «множественность». Детальный анализ такого положения вещей имеется в аналитической статье Р. Э. Бараш «Мультикультурализм как (не)реализуемый проект: вопросы к теории и методологии»: «Категория “различие” в мультикультурализме понимается через противопоставление гомогенности. Гомогенность, в свою очередь, интерпретируется как поддержание комплекса неравных деспотических отношений. И здесь можно привести параллель с интерпретацией теории различия в концепциях эмансипации в феминизме и пост-марксизме, где гетерогенность понимается как самоценность. То есть фактически концепция мультикультурализма сопряжена с ранней критической теорией всеобщности, описанной в “Диалектике Просвещения” Т. Адорно и М. Хоркхаймером и интерпретируется как борьба против господства тождественного, восстание частных против порочного всеобщего» [2, с. 138–139]. Категории «различие» и «множественность» атрибутируются и в других постмодернистских концепциях, в частности, в концепции ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в понимании нелинейного характера развития обществ и культур, в концепте заката метанарраций и т.д. Исследователь А. И. Екадумов пишет: «Закат метанарраций обернулся теоретической делигитимацией идеи универсальных прав и всеобщих обязанностей» [8, с. 6]. Как показывает исторический опыт, взаимное сосуществование различных культур, несхожих по своим ценностным доминантам и символическим порядкам, невозможно без объединяющих универсалий как в пространстве коллективного, так и в сфере индивидуального сознания.

Такая трактовка вносит существенные изменения в параметры исследуемой проблемы, так как переносит объект ис-

следования в новый контекст – постмодернистской рефлексии и, соответственно, постмодернистской парадигмы философствования.

Заключение. Таким образом, в самом мультикультурализме как парадигмальном образовании присутствует ряд противоречий культурологического порядка, некоторые из их числа носят явно полемический характер, а ряд ключевых положений самой мультикультуральной парадигмы нуждается в «перепроверке» и верификации. Кроме того, мультикультурализм предстает весьма сложным и неоднозначным явлением в зависимости от ракурса, через который его рассматривают: в области публичного и политического высказывания можно видеть его в одном свете, в поле экономического

дискурса он предстает в другом свете, в сфере межкультурного взаимодействия и коммуницирования приобретает иные характеристики. Соответственно, мера применимости на практике мультикультуральных нарративов будет серьезно варьироваться в зависимости от культурных, социальных, исторических, экономических и иных особенностей той или иной местности, на которой эти нарративы применяются. В каждом случае это будет свой специфический способ внедрения, своеобразный инвариант со своими преимуществами и своими проблемами. Мультикультурализм нуждается в дальнейших систематических исследованиях и, в первую очередь, со стороны гуманитарных дисциплин, генезисом к которым он и восходит.

1. Этнос, нация, ценности : Социально-философские исследования / науч. ред. К. Х. Момджян, А. Ю. Антоновский – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. – 440 с.
2. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толстого. – М. : Весь Мир, 2013. – 400 с.
3. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты : культурный капитал и конец мультикультурализма / Лоуренс Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.
4. Малахов, В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / В. С. Малахов. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 227 с.
5. Позняков, В. В. Мультикультура в странах Евросоюза : опыт и уроки для Беларуси // Республика Беларусь – Европейский союз : проблемы и перспективы партнерства. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 414–457.
6. Спирина, Е. А. Мультикультурализм как стратегия взаимодействия этнокультурных групп / Е. А. Спирина. – Минск : РИВШ, 2012. – 224 с.
7. Уайт Лесли, А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Антология исследований культуры – Т. 1. – Интерпретация культуры. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 728 с. – (Культурология XX век). – С. 559–591.
8. Екадумов, А. И. Диалог культур и парадоксы мультикультурализма в многополярном мире / А. И. Екадумов. – Минск : БГУ, 2015. – 157 с.
9. Малиновский, Б. Научные принципы и методы исследования культурного изменения // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 728 с. – (Культурология XX век). – С. 371–385.
10. Волкова, Т. П. Теория мультикультуризма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. философ. наук : 09.00.03 / Т. П. Волкова ; Мурм. гос. техн. ун-т. – Мурманск, 2006. – 21 с.
11. Кимлика, У. Современная политическая философия : введение / У. Кимлика ; пер. с англ. С. Моисеева ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
12. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 350 с.

Статья поступила в редакцию 24.06.2016